

Андрей Мансуров
Цена предательства

«Автор»

2016

Мансуров А. А.

Цена предательства / А. А. Мансуров — «Автор», 2016

Эта повесть входит в мой цикл-тетралогию Боевой фантастики: "Волчица", "Ироничная фантастика" ("Я подобрал это на свалке"), и "Его Величество Авианосец". И, разумеется, мне опять не удалось сделать ее исключительно - "боевой". Она получилась в большей степени все-таки - социальной. Потому что любые действия любого солдата любой армии в первую очередь связаны с его Личностью: моральными установками, силой воли, храбростью, и мировоззрением этого самого Солдата. Вот про становление такой Личности я и написал эту книгу. Хотя, разумеется, и любителям самого "крутого экшена" найдется о чем почитать! Потому что - даже сверх-коварные, изощренно-циничные в своих антигуманных планах, и оснащенные суперпередовым оружием, враги, не смогут устоять: ни в открытом бою, ни на "невидимом фронте", против воинов-землян! Желаю Вам нескучного прочтения!

© Мансуров А. А., 2016

© Автор, 2016

Мансуров Андрей

Цена предательства

Повесть.

1. Линкор.

Некоторые десантники предпочитали обходить свой участок, двигаясь встречно-параллельным курсом, то есть – от стороны до стороны квадрата, сдвигаясь каждый раз на несколько шагов, а затем разворачиваясь на сто восемьдесят, и – снова до противоположного края участка.

Другие начинали из центра, расширяя круги обхода до тех пор, пока не добирались до внешней кромки участка.

Третьи наоборот – предпочитали начинать обходить свои границы вначале по периметру, сужая «квадратные» круги к центру. Михаил относился к третьим.

Свой участок он «обрабатывал» уже четыре часа, стараясь только не пропустить сбои аппаратуры, выразившиеся тонким попискиванием контрольных датчиков, сигналы сканнеров, объявлявших о проблеме голосовым способом, и трёп, вернее – переговоры коллег по работе: эти он откладывал как бы в долговременную память. Типа: не забыть, что Розенберг столкнулся с разжигающей псевдокислотной «лужей», а Порциан – с «налётом» механострекоз. Ничто из этого не мешало ему преспокойно думать о своём.

К пятому году работы в космодесанте он научился уже многому.

Например, тому, что особо сексапильную деваху в баре, на которую уже положил глаз сержант, лучше в любом случае оставить в покое: может, она сержанту и не достанется, а вот у него на лице и рёбрах не останется ощутимых отметин от титановых кулаков. Причём – титановых в буквальном смысле: протезы обеих кистей Малколму МакКратчену поставили, ещё когда тот был рядовым салагой – восемь лет назад. И его пример теперь считается хрестоматийным: бомбой может оказаться и банальная и с виду безобидная фигня, один в один напоминающая полевую ромашечку.

Незнакомое пойло с «экзотическим» местным названием тоже лучше не пить. Потому что та крошечная доза люмера, что добавляется с разрешения медиков, якобы для «лучшей адаптации организма к местным условиям», в комплекте с алкоголем и непривычными для кишок вытяжками местных же растений, может подействовать на некоторые, особо чувствительные к нарколептикам, организмы, неадекватно. Вызвав болезнь.

В частности, заставляющую в лёжку провести на койке в казарме, а затем – и в реанимации госпиталя, с телом, утыканным иглами с очень нужными капельницами, одиннадцать часов. И при этом всё равно мучиться позывами к рвоте каждые десять минут. Ощущая, как жутко ноют, и стремятся вывернуться наизнанку и черепная коробка, и эти самые кишки. Не говоря уж о воистину охрененном зуде в коже головы – таком, что хочется поскорее соскрести её с черепа лезвием собственного же виброножа!

Хотя приходится признать: такой «неземной» эйфории, как от «особого Курайского» он не испытывал до этого никогда. Соответственно, и похмелье оказалось...

А ещё, даже когда планета, вроде, хорошо освоена и почти обжита, нельзя выходить из купола Станции без защитного оборудования и комбинезона усиленной защиты. Даже на такой планете, которую «осваивают» уже несколько лет. Потому что некоторые ловушки установлены – ну с *очень* сильным замедлением. Память о рядовом Саймоне Майерсе, погибшем два года назад на, казалось бы, ровном месте, разлетевшись на кусочки не крупнее конфетти, тому наглядный пример.

Сплюнув, Михаил сделал очередной поворот. Сенсоры сканнеров, которыми экзоскелет обвешан, словно новогодняя ёлочка, (бредовый образ, но именно он неизменно возникал и в подсознании, да и – в сознании, каждый раз, когда он занимался обходом первой Ступени) молчали, будто вокруг ну совсем ничего не находят.

Ничегошеньки, мать их...

А вот не может быть такого, что «ничего» – и всё тут!

Сустары – не такие лохи, чтобы оставлять планету «чистенькой» – на растерзание земляшкам, как они презрительно называют их в своих чёртовых листовках. Которые словно нарождаются, возникают – из ничего, и неизменно появляются во всех комнатах: что космодесантников, что технического персонала всех Станций, которыми оборудуются захваченные, и, якобы, зачищенные, планеты. И даже три полномасштабных добросовестных Зачистки не могут полностью обезопасить такую планету, гарантировав поселенцам-колонистам спокойствие и жизнь. Ведь контингент обыскивающих всегда «ограничен» – даже Линкор не может взять на борт больше одной дивизии. А площадь поверхности даже суши – колоссальна. Не говоря уж об Океане.

Белые пятна – в пустынных или гористых местностях, которые никто даже из отдалённых потомков колонистов осваивать наверняка не будет! – остаются всегда.

Так что сюрпризы здесь, на этой планете, точно есть. Потому что опушка леса и луг с зелёной травкой, мирно колышущейся под дуновениями ветерочка, и цветочками голубой и фиолетовой окрасочки, жизнерадостно подставляющих головки тёплым лучикам оранжевого светила – отличное место для всяких захоронок и заморочек.

Так как уж больно удобным, «стратегически» значимым, местом является та плодородная долина большой реки, что они обрабатывают. Так и напрашивается к строительству именно здесь Первая Столица новой колонии. А пока – бригада монтажников ждёт – не дожждётся, когда можно будет спустить свой чёртов монстрообразный строительный модуль, напоминающий помесь динозавра с экскаватором, и роботы приступят к сооружению Станции.

Осталось только выявить, что тут для них, бедняг дистанционно управляемых, приготовлено: то ли небольшие ловушечки, рассчитанные на единичного дрона или робота, то ли уж глобальные. Ждущие, когда Станцию «заселят». Такие, как церебральные мины, разрушающие нервную систему существам на белковой основе в радиусе мили, или галоизлучатели, разжигающие плоть до состояния зубной пасты, заставляя ту попросту стекать с костей скелета – тоже, кстати, работающие в радиусе мили.

Вот поэтому даже первой ступени предшествует проверка беспилотниками с вибраторами, и всяческими гамма-, микро-, и теплоизлучателями, не говоря уж о джамперах и бипперах, которые с высоты нескольких километров сбрасываются на парашютах, и «обрабатывают» поверхность точно так же, как сейчас космодесантники – по квадратам. Обычно, правда, почти безрезультатно: сустары научились устанавливать взрыватели так, что те на столь примитивные провокации не реагируют.

Вот поэтому первая Ступень и ведётся сталюминиевыми боевыми дронами, оснащёнными заплечными пластиковыми контейнерами с белковой аморфной органикой. (Ну а вдруг – датчик взрывателя попримитивней, управляющий запалом мины, работает!)

А человек управляет своим «подопечным» из безопасной кабины. Расположенной на Линкоре. Висящим на геостационарной орбите.

И работа оператором отнимает до восьмидесяти процентов всего времени несения, собственно, боевых дежурств. С другой стороны, служба – она служба и есть. Шесть часов работы, сорок два часа отдыха: дуракаваляния по многочисленным барам и борделям громады оснащённого почти такими же удобствами, как старинный круизный лайнер, корабля...

Михаил ткнул кнопкой системы контроля, а заодно и климатизатора: глаза заливал пот. И выделялся он вовсе не от жары: кондиционированная операторская кабина отлично проветривается, и изолирована от шума, света и помех.

Тысячи микропроцессоров могучего компа Центрального пульта операторской Линкора за доли микросекунды просканировали сами сканнеры его кабины и сверхчувствительную аппаратуру дрона – нет, всё в порядке. Никто и ничто снаружи не пытается исказить их показания. Или вмешаться в тонкую работу программ.

Вот это-то и странно. Напрягает. Обычно чёртовы сустары, или хотя бы их «умные» автопрограмматоры – тут как тут. Пытаются. Вмешаться. Исказить. Задурочить...

Ловушки наверняка есть. Значит, просто лучше, чем обычно, замаскированы. Или – нового типа. И не сработают от присутствия поблизости металлического монстра, что движется сейчас по поверхности, направляемый волей Михаила и джипис-навигатором со спутника обеспечения. Ну правильно: они – вернее, их, земные, техники – работают, а враг тоже не стоит на месте: изобретает. Новые изощрённо-коварные способы. Если не отвоевать планету снова, так хотя бы не дать колонистам-людишкам жить спокойно, всё отнимая и отнимая самый ценный и чертовски медленно восполнимый ресурс – жизни!

Михаил вдруг понял, что конец обхода совсем близок: повороты дрон делает уже каждые пятьдесят двухметровых шагов. Полоса, которую обследуют датчики и сканнеры, и расстояние, от которого гарантированно срабатывают вражеские взрыватели, командованием оценена в двадцать метров, так что он, вернее – его дрон, получается, протопал уже все пятьдесят километров своего подотчётного «квадратного километра».

И ничего не нашёл.

Блинн... А смена ещё не кончилась.

Значит, придётся влезать и в андроида.

Андроидные тела Михаил не любил. Мало того, что выращены на базе тела «*Scrofa Domesticus*», то есть, обычной свиньи, так и реакция и сила оставляют желать много лучшего. Но – что же делать, если под давлением общественности и из-за Решения Конгресса тела клонированных *людей* запрещено использовать в таких миссиях! И плевать марзматику-бюрократам, что собственных «сознаний» у таких клонов не было, нет, и не предусматривается в будущем! «Гуманность», мать её!..

А чёртовы яйцеголовые утверждают, что именно параметры обычной свиньи наиболее точно соответствуют всем функционально-жизненным показаниям *Хомо Сапиенса*.

Соответственно, и ловушки выявятся стопроцентно.

Ага – как же! Стопроцентно...

Он снова сплюнул – теперь уже на пол кабины, где только что «выбрался» из тела дрона, не забыв подать сигнал в диспетчерскую их подразделения, и храбро оставив застывшую стальную громадину внизу, на поверхности Эрины, на попечение группы технического обеспечения: подлетят и заберут, когда дойдёт очередь.

Он, да и не только он в их подразделении, андроидное тело не то, что вот прямо совсем не любил. Скорее, чисто на подсознательном уровне – брезговал. Ну так – мало того, что «свинское»!.. Так ещё обычно и куда «подверженной». Хотя свою основную функцию – выявления! – конечно, выполняет...

Но Михаил столько раз испытывал то мерзкое чувство, когда ощущаешь, как тело, в которое ты вселён, разносит на кровавые ошметки... Или оно задыхается от боевых отравляющих газов. Или – сгорает в пламени плазменного заряда, забывая ноздри отвратительным запахом горелой плоти – *его* плоти... Или – растекается в розовую вязкую лужу. Или на него накидываются проклятушие бактерии неизвестных болезней, заставляя лицо синеть, а омерзительные, и на глазах растущие язвы – выступать по всему телу...

Даже и не упомянуть. Да лучше и не вспоминать: всё равно эти тошнотворные сцены приходят сами. Во сне. И достаточно часто, чтоб отравлять не только явь, но и то, что по идее, должно позволить телу и мозгу расслабиться – сон.

Единственное, что немного утешает – регулируемые заглушки, позволяющие снизить показатели боли тела андроида в десятки и сотни раз – иначе!.. Страшно представить.

Бойцы-операторы, опробовавшие первые модели, с не-пониженным порогом обратной связи, порой просто не выдерживали: сходили с ума.

Однако работа есть работа. Занудная, иногда – вызывающая брезгливость и омерзение, ужас, злость. Но, в общем-то, чаще – просто занудная. Именно это слово.

Он отложил шлем первого дрона. Взял андроидный – пластиковая полусфера почти неведома, но содержит квинтэссенцию передовой технологии: устройства, позволяющего преобразиться.

В монстра. Вооружённого так, что можно начать и выиграть небольшую войну. Неплохо защищённого от всех известных (ха-ха!) напастей, которых к этому времени суставы понапридумывали достаточно. Словом – белкового монстра. Боевую рабочую машину. Воплощающую в себе реально – вершину земной Науки в смысле оружия.

Но подлинно опасным, хитрым и злобным врагом всего живого на обследуемой планете эту штуку делает он, Михаил. Человек-оператор.

Космодесантник!

Годами отработавший на симуляторах – в процессе обучения. И кажется, веками – в «реале». Приобретая и собственной драгоценной задницей «уникальный» опыт!.. Который тут же заносит в программу симуляторов.

Чтоб те, кто придут после них, могли быть во всеоружии.

Как же – будешь тут во всеоружии, если враг столь изобретателен, и почти каждый раз находит или придумывает что-то новенькое!

Чтоб снова не сплюнуть, или не дёрнуть щекой, Михаил прикусил губы изнутри.

Ощувив привычную щекотку и точечные уколы кожи головы, он невольно поморщился. Кинул взгляд на контрольный монитор перед лицом. Так – картинка пошла. Ну, значит, проклятый шлем уже опять впихнул в кожу бритого черепа свои нанотрубки: управляющие сенсоры получили доступ к базовым точкам его моторики. Он закрыл глаза.

Вот и всё – пошла работа: вокруг возникла капсула, в которой тело андроида прибыло на поверхность планеты. Вперёд!

Вывести белкового дрона из гелевой капсулы в ангаре на челноке нетрудно. Трудно потом обтереться насухо, и одеть комплект защитного обмундирования и оборудования. И боевой костюм: здоровенную сталитовую часть внешнего экзоскелета. Могущую часами таскать его тело почти без усилий с его стороны по поверхности планеты – хоть с тройной силой тяжести.

Осталось только обвеситься с помощью манипуляторов челнока оружием, сенсорами, и боекомплектом.

Он выбрался из широкого люка на поверхность, одновременно приспособив зрение к оранжево-жёлтой, невыносимой после темноты трюма, яркости. Ничего – сейчас сенсоры, отследившие, что он щурится, приспособят светофильтры... Ну вот и порядок: видно контрастно и хорошо. Теперь и дежурные операторы Центрального и оперативного пультов смогут отслеживать. Записывать. Чтобы в случае (тьфу-тьфу!) чего, воспроизвести для тех, кто пока не столкнулся с очередной «придумкой» чёртовых суставов. И дать им «выучить» полученные ценой «жизни» очередного свинского бедняги, уроки.

«Урок» нашёлся буквально на второй стороне периметра выделенного Михаилу квадратного километра.

Чёрный жук, сидевший на мохристом цветке типа георгина, сразу не понравился Михаилу. Он направил на него станнер, приказав ногам замереть.

Точно! Живая тварь сразу же шлёпнулась бы наземь, и застыла на пару минут. Эта же – лишь развернулась к дрону, нацелив зашевелившиеся лапки и клешни!

Михаил не стал ждать, когда из-под чёрных надкрыльев до конца раскроются коричнево-жёлтые крылья – шваркнул прямо из генератора ЭИМИ.

Тварь грохнулась оземь ну точно как кусок пластика: ни дать ни взять – этакая шайба! Выждав пару секунд, он выдвинул голубое сопло.

Заморозив тварюгу из генератора жидкого гелия, Михаил погрузил её в контейнер-термос: пусть любимые техники и учёные изучают! Хотя, собственно, вряд ли выявят что-то новое в плане технологии: *так* враги их уже атаквали. А вот пушистый тёмно-синий цветок агрессии не проявил – значит, пусть себе растёт.

Однако зря Михаил подумал, что на этом сюрпризы с псевдоморфой окончились!

Муравейник, или очень похожая на него невысокая кучка земли, куда сотни оранжево-синих полосатых букашек размером с земного термита, споро стаскивали семена и листики, оказалась вовсе не «постройкой эндемичных насекомых».

Тонкие лучи лазеров, ударившие вдруг из чёрных точек входов, поразили основные глаза белкового дрона.

Михаил даже не успел отреагировать: за него это сделал комп подстраховочной системы, давший приказ автопилоту. Ноги сами вдруг пришли в движение, и тело дрона отскочило подальше, а руки пластоскелета уже накидывали на холмик парализующие сети электро– и цереброблокатора: теперь чёртовы механоиды, или настоящие насекомые, в логове которых установлены лазеры, отключатся напрочь!

Пока блок автонавигатора и система вестибулярного аппарата отводили дрона подальше назад, на уже обследованную и теоретически «безопасную» территорию, Михаил просто ждал, чтобы индивидуальный бортовой медик заменил глаза андроида: самую расходующую и страдающую часть оборудования дрона. Соответственно, и имеющую «на борту» три запасных комплекта глазных яблок.

Он чётко доложил о случившемся своему оператору, зная, что в отредактированном и доходчивом виде всё это немедленно сообщат остальным работающим сейчас на поверхности, и, перед началом работы – остальным сменщикам. Ну правильно: он всегда и сам получал такую информацию, автоматически запоминая, и действуя в соответствии с рекомендациями аналитиков. Всё это время он ощущал крошечный отголосок жжения и зуда в глазах: хорошо, что нервные окончания у тех заблокированы.

Через пять минут операция по пересадке и вживлению в волокно глазных пучков новых нанонервов оказалась закончена, и картинка на контрольном мониторе снова появилась. За это время модуль с исследовательским блоком полной изоляции успел подлететь, (Михаил слышал его гудение, свист при зависании, сотрясение почвы от тормозной струи. А затем удары виброрезвий, отдающиеся в подошвах. И – удаляющееся гудение.) и выкопать псевдотермитник. Теперь облизывающиеся на новые технологии учёные Линкора его изучат даже раньше, чем чёртова жука.

Повращая глазами, чтоб проверить их работу, Михаил мысленно приказал коробке автодоктора убраться назад в заплочный контейнер. Тот, пожужжав сервомоторчиками, с помощью своих лапок-манипуляторов так и сделал. Ну – не дать ни взять – заботливый наплечный паучок. Ну-ка, кто тут у нас следующий?..

Следующим нарисовался крот. Ну, или тварь, очень на него похожая.

Однако вот он оказался как раз именно представителем местной фауны: возмущённо верещал, размахивал лапками с крошечными коготочками, и пытался грызть пласто-сталалюминиевые манипуляторы экзоскелета, когда Михаил выдернул его прямо рукой в защитной перчатке с глубины в несколько дюймов, нащупав обычным тепловизором.

Всё равно нужно обследовать тело зверька биопупом и сканнером полевого электронного микроскопа: вдруг найдутся ещё неизвестные земной науке, местные, или привнесённые хитрыми врагами, бациллы-вирусы-микробы.

Не нашлись.

Значит, беги себе в свои катакомбы, маленький сердитый абориген – Михаил аккуратно положил зверька у разрытой ямки, куда тот не примянул и нырнуть, даже не попрощавшись. (Вот уж он удивился бы!..)

Датчики движения предупредили об атаке сверху: от солнца заходил «отряд» псевдострекоз. Ну, этих-то мы уже знаем... Давайте, твари, подлетайте!

Электропарализатор ЭИМИ сработал отлично: все сивлито-титановые твари попадали к ногам дрона, уже даже не шевелясь. Снова пришлось поработать генератором жидкого гелия и манипулятором, не боящимся минус двухсот пятидесяти Цельсия, поддерживаемого в термосе для таких тварей.

Через полчаса к стрекозам добавился и десяток «мух» или «ос» – (...рен их поймёт, этих насекомых, к какому «классу» они относятся, особенно – электромеханические!) больше Михаил обнаружить и подобрать в густой траве луга не смог. А вернее – поленился. Десятка этим яйцеголовым вполне хватит: с мухами-осами они уже тоже встречались на Лимбусе-три, и даже удивительно, как это суставы надумали воспользоваться этими тварями повторно. Они обычно любят что-то оригинальное и свежее – ...ер привыкнешь.

Опушка леса, несмотря на то, что Михаил пока не столкнулся там ни с чем подозрительным, всё ещё вызывала определённые опасения. И, как ни странно, чем дальше от неё отстояли круги обследования – тем большие. В чём дело?!

Выяснилось это, лишь когда он удалился метров на сто.

Деревья на кромке леса вдруг словно задрожали, заколебались: так, словно это – миражи над асфальтом в зное летнего дня! Михаил инстинктивно бросился на землю.

Ни фи́га это не спасло!

Выдвинувшиеся из-под земли головки cerebro- и галоизлучателей вызвали, как обычно, жуткую боль в теле, и ощущение злости – от своей беспомощности. Нервы – заблокированы, и не могут приказать мышцам даже отползти, а не то, что – отбежать со скоростью в шестьдесят км/ч, на которую способен экзоскелет. А мышцы...

Да, мышцы. Хорошо хоть, автомат уже успел заблокировать и отключить нервные окончания – вспышка боли увяла так же быстро, как исчезает танк, бухнувшийся в океан. (Про планету-океан Посейдон-три Михаил, да и многие другие десантники их роты, предпочитал не вспоминать!)

Но с тем, что «процесс» его убивания медленный и мерзкий, сделать ничего не удалось. Как и всегда, впрочем, когда в дело пошли галоизлучатели: ощущаешь себя кучей мерзкого тёплого д...ма, пока наблюдаешь, как твои мускулы и тело превращаются из тренированного закалённого организма – в расплывшееся внутри защитного комплекта тесто! Сироп. Жижуха... И так до того момента, когда нервным окончаниям становится нечего передавать: тело андроида перестаёт функционировать, вытекая через отверстия первого, нательного, комбеза – рукава и штанины.

Он снова порадовался, что автоблокираторы почти мгновенно отключают связь его человеческого мозга с атакованным дроном. Правда – не до конца.

Так что, стиснув зубы, он досмотрел агонию бедняги, принявшего смерть за него там, внизу. Порадовался, что сообщение об этом ему можно и не передавать – всё сделает бортовой «чёрный ящик», включающийся сразу после «смерти» дрона. Затем щёлкнул тумблером, заставив убраться из своего мозга усики нанотрубочек-электродов, отдышался, и стащил объёмистую полусферу визиошлема с головы.

Проклятье!

Умирать неприятно.

Даже если за тебя это делает специально для этого и предназначенное тело.

Его ведь вырастили. Обучили. Натренировали. Накачали мышцы стероидами...

Михаил вставал с кресла оператора с осязаемой дрожью озноба во всём теле.

Проклятая работа. Хорошо, что смена кончилась – словно нарочно подгадал. Пусть-ка теперь поработает капрал Уркхарт из второго отделения – вон он, уже притопал в операторскую, и они традиционно отсалютовали и пожали руки друг другу.

– Ну что, много жуков-кроликов-лягушек наколошматил? – традиционный вопрос.

– Пошёл бы ты, старый хрыч, со своими заплесневелыми приколами... От блока-информатора узнаешь.

– Что, было?..

– Да... – Михаил нахмурился, пытаясь сообразить, как получше сформулировать, чтобы предостеречь, – Кое-что новое. Посматривай почаще назад. Особенно – уже на проверенных местах. Сегодня зацепило с замедлением где-то с час, на уже обследованном.

– Ага. Понял. Ну, спасибо. Счастливо отдохнуть.

– И тебе – удачи.

Думая, что со сменщиком из чужого отделения они никогда не горели желанием особо «сблизиться», Михаил выпустил крепкую сухую руку, и вышел за дверь.

Проковылял в душ. Чувствовал он себя ещё более мерзко, чем обычно. И никак не мог понять – почему.

Что он пропустил? Что было не так, как всегда?

Ладно, ему нужно просто немного расслабиться. И отдохнуть.

Раздражение и возбуждение снимет пара рюмок в баре.

А усталость и едкий пот – старая добрая вода.

Поворачиваясь под обжигающими струями настоящей воды, (Привилегия космодесантников!) он пытался унять разошедшееся воображение. Нет, к счастью, чёртовы сустары ещё не догадались (Или – просто не смогли!) снова усиливать сигналы от дронов к операторам таким образом, чтобы те испытывали те же ощущения, что и агонизирующий биодрон. Иначе...

Иначе все операторы давно бы отказались от такой работы!

Впрочем – нет. Если бы такое и случилось когда-нибудь, (очередное – тьфу-тьфу!) земная наука, постоянно плетущаяся в шаг позади сустарских новейших технологий, вскоре нашла бы очередной адекватный ответ. До сих пор – находила же... Михаил скрестил пальцы. (Нет никого суеверней спортсменов, студентов, и... космодесантников.)

Он растирался полотенцем (Тоже – из настоящего хлопка!) до тех пор, пока не покраснела кожа. Но в ногах почему-то всё равно ощущалась противная дрожь.

В чём дело? Ведь его второго, «биологического», дрона уже «разжижали», сжигали, разрезали, и дробили в гравилонувках чуть ли не десяток раз?

Может, инстинкты профессионала подсказывают, что в этот раз нападение оказалось... Не совсем обычным?

Что это за червячок сомнения и... И – да, паники, грызёт сознание, или подсознание? Опасность, исходящая словно ниоткуда.

Она есть – Михаил это чувствовал.

Как чувствовал там, внизу, и то, чего до этого никогда не ощущал: чей-то заинтересованный враждебный взгляд. Общий смысл которого можно было бы передать так: «Ну-ну. Прочёсывай, прочёсывай. А когда расслабишься – получи! Посмотрим, что ты на *это* скажешь!..»

Нет, всё верно: кое-что необычное было. Только... Как это чётко сформулировать для рапорта? Так, чтоб не выглядеть параноиком. Или идиотом.

Он решительно постучал в дверь кабинета майора.

– Войдите.

Войдя, Михаил чётко вскинул руку в приветствии:

– Господин майор! Капрал Михаил Левицки прибыл для рапорта.

Майор, вставший с кресла у стола, заваленного рулонами схемодиаграмм и кипами отчётов на бумаге, кивнул, ответив на приветствие:

– Проходите, капрал. Садитесь. – чтобы лучше видеть собеседника ФонМюллер даже отодвинул чуть в сторону гибкий псевдомонитор настольного компа, – Докладывайте. – на лице майора, да и в тоне не было ничего необычного: собранная деловитость. И всё равно Михаил до сих пор робел перед начальником. Ещё бы: тот на этой работе двадцать пять лет, а не пять, как Михаил!

Простой пластиковый стул напротив майора Михаил двигал осторожно, чтоб не скрипеть его ножками по голому пластиковому полу. Уселся, не откидываясь на спинку – знал, что фамильярности майор не любит.

– Да, сэр. Разрешите доложить, сэр... Я хотел рассказать вам о... – Михаил поколебался, хоть и знал, что такое его поведение не поднимет доверия к нему со стороны майора, любящего конкретику. – О своих ощущениях, – он поправился, – О своих *необычных* ощущениях. Перед тем, как тело моего андроида начало превращаться в кисель.

Бровь майора с пересекающим её шрамом чуть приподнялась, вторая, как отлично знал любой салага на «Миннесоте», не шевельнулась – парализована. Так же, как и вся правая половина лица Герхарда ФонМюллера, ветерана космодесанта, подписавшего третий контракт, чтоб оставаться в строю. И действительно добросовестно выполнявшего работу. По осуществлению справедливого возмездия и полного уничтожения коварных сустаров – наглых захватчиков и изощрённых убийц. Словом, начальника подразделения «Кондор».

И от восстанавливающей мимику лица операции майор отказался.

Однако больше ничем он своего удивления не выказал. Михаилу пришлось докладывать, не дожидаясь повторного приглашения:

– Я почувствовал неладное ещё до того, как головки излучателей вылезли из-под дёрна. Сэр, это – не преувеличение, или не моя... Причуда. Я ведь уже удалялся от опушки леса. И то, что головки вылезли – явно никак не было связано с тем, что какие-то их датчики засекли меня. Ну, то есть, тело... (Я же до этого прошёл там как минимум раза четыре!) И задержали их выход явно не таймеры. Нет, того, когда я снова окажусь на этом месте, рассчитать было невозможно – я и сам точно не знал... Нет, сэр!

Просто кто-то, явно дистанционно, отдал им приказ.

Мне кажется, что этот приказ был – ментальный. Ну, мысленный. Потому что мои бортовые сенсоры не засекли *никакого* излучения! Ниоткуда. Но всё равно – я чувствую, я уверен, что приказ был. И он задержался лишь потому, что кто-то хотел... Усыпить мою бдительность. Но я – наоборот: чувствовал подвох с каждым кругом – всё сильнее... Вот. – Михаил и так чувствовал смущение, а сейчас вообще запнулся, ощущая сам, как неубедительны и предвзяты его «ощущения». Его ни на чём, кроме инстинктов, не основанная, «уверенность». И выводы.

Однако Майор удивил его:

– И ощущение того, что за происходящим кто-то наблюдает, появилось у вас, капрал, ещё до того, как белковый дрон выбрался из челнока?

– Э-э... Да! – у Михаила от удивления немного заклинило, – То есть – так точно, господин майор, сэр! Сейчас я вспомнил, что так и было! Я... словно и правда – чувствовал на себе чей-то взгляд! Буквально, как это говорят, затылком ощущал, что опасность приближается! А сенсоры, и мои, и челнока ничего не ловили!

Как это может быть?

– Как это может быть, я пока не знаю. Но надеюсь, что техники и инженеры нам в ближайшее время смогут ответить. – майор сделал паузу, потом взгляд его словно потяжелел, превратившись из нейтрально-ожидającego в сердито-озабоченный, – Дело в том, капрал, что у меня нет оснований сомневаться в ваших... Боевых инстинктах и ощущениях. Так что не переживайте так сильно – я не посчитаю ваш рассказ паранойей.

Наши враги – не дремлют!

Час назад ко мне уже приходил Питер Андерс из взвода лейтенанта Неслунда. С ним примерно то же случилось за полчаса до вас. Правда, его тело сожгли из микроплазменных излучателей. Но «взгляд», и ненависть того, кто на него «смотрел», он чуял с самого момента пробуждения дрона. Вот только, – майор чуть расслабился. – рассказывает и формулирует он куда хуже даже вас, капрал. Так что спасибо. За... Бдительность. И внимательность. К деталям и ощущениям.

У вас всё?

Михаил подумал. Прикусил губу. Получается – что именно так! У него – всё.

– Так точно, господин майор. У меня – всё.

– Хорошо. Ещё раз – спасибо за информацию. И за то, что решили прийти и сообщить именно... О своих ощущениях. Если бы все поступали так, нам, вероятно, было бы куда легче обнаруживать новые ловушки и свежие технологические разработки врага. Так что выражаю вам от лица Командования благодарность – за проявленную проницательность. И оперативность. Потому что решили прийти ко мне *сразу*.

Беспочвенных подозрений, как известно, не бывает, и *чутьё* настоящего бойца для нас куда ценней интеллектуальных рассусоливаний всяких там учёных-теоретиков. До сих пор весь тот бред, который они прогнозировали, и наанализировали, не оправдался вот ни на столько. – майор показал кончик ногтя, – Так что вы молодец, что решились рассказать о ваших «инстинктивных опасениях». А пока – всё. Можете идти!

– Так точно, сэр! Есть, сэр!

Михаил уже с заметным облегчением встал, на автопилоте отдал честь, развернулся и вышел из кабинета. Теперь он был рад, что рассказал обо всём – у него словно гора с плеч свалилась. Майор доложит кому надо. Там оценят, подумают, свяжут с другими схожими случаями, проверят. Перепроверят. Проанализируют. Сами и с помощью «умных» программ. Разработают директивы. Которые, возможно, помогут спасти чьи-то жизни...

Оказывается, они с Андерсом испытали воздействие просто-напросто очередного нового коварного приёма врага. Ну, стало быть – ничего страшного, как он было подумал в самом начале. Учёные найдут что-нибудь и против *этого*.

Контр-излучение. Экран. Магнитно-индукционную сеть. Или ещё что-то.

Нормально.

Обычная работа.

В баре Михаил прошёл прямо к стойке, кивнув знакомым девочкам, и отдав честь коллегам. Бар, стилизованный в духе «дикого запада», с качающимися полудверями на входе и огромным зеркалом в резной раме за стойкой, его всегда слегка нервировал. Тупизм. Делать столы и табуреты из настоящего дерева чертовски дорого и глупо: редкая неделя обходится без того, чтоб нажравшиеся до полубеспамятства храбрящиеся вояки не передрались с такими же раздражённо-злыми на беспросветность бытия на корабле, штатскими. Или – своими же: другими нажравшимися до беспаятства космодесантниками...

Впрочем, если Командование на это идёт – значит, считает такое расточительство оправданным. И верно: если бы друг друга метелили мебелью из пластолюминия, дело бы точно не ограничилось лишь синяками и переломами.

А так – просто вычитают у виновников из зарплаты, и все довольны. И живы.

За стойкой маячил Эрик – его смена.

– Привет, Эрик, – Михаил отметил, как брови, делающие его бармена похожим на спаниэля, словно бы приветственно взметнулись кверху: Михаила он если не любил, то хотя бы уважал. Тот не позволял себе ломать ножки столов или стульев для получения дубин, или другими способами крушить интерьер помещения, предпочитая старую добрую потасовку на кулаках. А для чего же ещё десантник проводит по три часа каждый день в тренажёрном зале?!

– Добрый день, капрал, сэр. Вам – как всегда?

– Да. Только поменьше содовой.

Сегодня Михаилу вовсе не хотелось «нажираться» до беспамятства в первые же полчаса. Ему нужно ещё подумать. Потому что то, что произошло сегодня, явно нуждалось в осмыслении. Однако снять нервное напряжение и усталость не помешает.

Он огляделся.

Вон: Джуди. Пьёт себе в одиночку за самым дальним столиком. И пускай у неё не грудь, а намёки, и не рёбра, а стиральные доски, как любят прикалываться ребята, зато она – контрактница. Следовательно, не позволяет себе скулить о тяготах своей несчастной судьбы, как, напившись, делает большинство вольнонаёмных, когда всё *это* закончится...

– Подозвать Джуди, сэр? – Эрик ловил потребности клиентов моментально. Вначале Михаил даже думал, что тот – телепат. (Как вот сегодня «почти» стал таким он сам.)

Правда, потом понял – так, чётко ловя взгляды, полувздохи, прикушенные губы и другие детали микромиимики «клиентов», шустрый бармен куда больше зарабатывает, явно получая долю от «сосватанной».

– Да, пожалуй. – Михаил допил стакан, стукнув им о стойку, – И – повтори, будь добр.

– Да сэр. Сию минуту, сэр! – стакан наполнился раньше, чем женщина, повинувшись жесту бармена, покинула свой столик с оставшимся на нём одиноким стаканом. Другой стакан, с Вестсайдским оранжевым – дурацкой смеси имбирного джина с апельсиновым соком, вкуса которого Михаил решительно не понимал, – оказался рядом со стаканом Михаила ещё до того, как хрупкая женщина под села на соседний барный табурет.

– Добрый вечер, Михаил. – понять по задумчиво-манящей улыбке, действительно ли профессионалка рада приглашению Михаила, или это – просто часть работы, было решительно невозможно. Да и ...рен с ним. Михаил пришёл сюда вовсе не для того, чтоб разбираться в тонкостях женской натуры.

– Привет, Джуди. Как ты?

– Нормально, спасибо. Как сам?

– Ну...

– Понятно. Дальше можешь не объяснять. Тебе – в любой момент.

– Хорошо. Только свой стакан бери сама, а я захвачу всю бутылку. – Михаил почувствовал, как в протянутую руку вкладывают сосуд ещё до того, как закончил фразу.

Вот уж здесь, в баре, всё стандартно, предсказуемо и просчитано.

И телепатия тут вовсе не при чём.

Здесь «при чём» стереотипы поведения и привычки.

Большинство людей, что бы они там о себе и своей «тонкой и чувствительной» натуре не воображали, абсолютно предсказуемы. И неоригинальны.

В каютке у Джуди было тесновато, конечно – не то, что у десантников.

Михаил, по дороге позволявший себе прикладываться прямо к горлышку, и поведший сейчас взглядом по низкому подволоку*, хмыкнул: а то раньше не видал убожества обстановки и тесноту. Джуди тем не менее обиделась:

*Подволоку – потолок на корабле.

– Нечего фыркать и кривиться! Я – не солдат, и мне не платят столько! Так что я воюю с врагом... Другим способом.

– Да-а? Эт-то каким же? – Михаил спросил исключительно, чтобы поддержать разговор. Потому что ответ слышал уже раз пять. Пусть и не от одной Джуди.

– А вот таким, что «снимаю стрессы и провожу первичную релаксацию наиболее рациональным способом» у тех, кто свои профессиональные навыки применяет непосредственно для боевых действий, или действий по обеспечению боеготовности оборудования.

– Красиво излагаешь, зараза сексапильная, – слова Джуди сопровождала, как, впрочем, и всегда, подчёркнуто медленным стягиванием с аппетитных, и без грамма лишнего жира (Он знал, что на тренажёрах отрабатывает и она, да и многие из профи.) ножек чулочков с кружевной кромкой, и вылезанием из платья. Михаил, присевший на единственный достойный упоминания предмет интерьера – массивную и обширную кровать, приложился в очередной раз, с сожалением констатировав, что бутылки в ноль пять ему уже маловато. Для расслабления в должной мере.

Ладно, для того он и здесь.

Уж Джуди-то он знает, как облупленную. Свои деньги она отрабатывает честно. И не жалуется на поломанную судьбу порядочной и наивной девочки, просто не нашедшей себе достойной работы там – в одной из заштатных провинциальных колоний. Где вечная безработица, и дефицит всего, что нужно для приятной жизни.

Нет, уши обо всём этом Михаилу прожужжала одна из вольнонаёмных шлюх – Снежанна, кажется. Или – Лэйла?.. Мэри? После третьей такой «исповеди» Михаил решил больше к услугам пусть лучше выглядящих, но назойливых и однообразных до ломоты в челюстях в своих стенаниях, вольнонаёмных, не прибегать.

Профессионалки – профессиональней. Ненужными подробностями и слюнявыми сантиментами не осложняют... Жизнь задрюченного нудной или нервной работой, или «убитого» в очередной раз, космодезанта.

Ведь мужчина приходит в бордель, или снимает женщину в баре вовсе не для того, чтобы послушать банальную душеспитательную сказочку о её незавидной... И так далее.

Пока он снова вставал с постели и аккуратно развешивал форменный мундир и брюки на специально оборудованную вешалку в стенном шкафу, Джуди расположилась на постели капитально: умеет же, зар-раза, себя подать! Красиво изгибаемое, словно породистой кошкой, мускулистое в меру тело, так и приглашает бархатистостью кожи, а приятное лицо – многообещающей улыбкой:

– Михаил! Приди! Я, ослепительная и обаятельная Джуди рыжая, утолю твои печали. И придам сил телу, и смысла сознанию – чтоб жить дальше. Потому что инстинкт продолжения рода, хочет мужчина, или нет – превыше всего! И заставит забыть даже о...

Михаил подумал в очередной раз, что даже сентенции из «Методических указаний для обслуживающего персонала», в устах его привычной партнёрши звучат не казённо-пошло, а вполне даже призывно. Дело, наверное, в ироничности тона, каким это говорится, и в хитро-многообещающем прищуре действительно огромных и выразительных глаз.

Наверное, это именно из-за них он и приходит в последние месяцы – только к ней.

Ну, и ещё и из-за ножек... Ах, да: ещё из-за понятливости: словно она – тоже, как и Эрик, телепатка: сегодня Джуди, даже не спрашивая, сразу приблизила губки к его печально поникшему под гнётом забот и проблем, хозяйству, и деловито взяла это дело в...

Чувственный ротик.

Ощущая, как тают, словно дымка предрассветного тумана, под нежными касаниями его особо чувствительных регионов, сомнения, усталость и злость, он позволил мышцам, наконец, действительно расслабиться...

В столовой как всегда былолюдно и шумно. Правда, в основном не от разговоров, а от стука ложек по пластику подносов с едой.

За свой стол Михаил прошёл быстро, только кратко отвечая на приветствия, и сам приветствуя сослуживцев за другими столами. Но всё равно опоздал – его отделение уже почти закончило трапезу.

– Разрешите приступить к приёму пищи, господин сержант, сэр?

– Приступайте! – сержант кивнул, не вдаваясь в расспросы.

Пытаясь догнать своих, Михаил ел, почти не жуя, (Да и чего бы тут жевать: и суп и псевдобифштекс достаточно положить в рот, и они сами растают на языке!) и быстро работая ложкой. Кастовая солидарность у солдат одного подразделения – куда крепче и сильнее, чем так называемая «дружба» гражданских, до небес перевозносимая в старых фильмах и учебниках. Это Михаил уяснил из секретного рапорта психологов-экспертов по конфликтам, с которым ознакомился чисто случайно, но откуда запомнил каждое слово. Хоть и не поделился (да и не собирался) ни с кем из своих, «близких и кастово солидарных сослуживцев».

В процессе еды Михаил вполуха слушал спич капрала Гаркина из второго отделения, который за соседним столом, смакуя пикантные подробности, рассказывал своим, как в подлеске столкнулся с медведем. Тот оказался настоящим, и дрону Гаркина поначалу никак не удавалось отогнать рассерженное животное так, чтоб не причинить зверю вреда. История оказалась занятной. Особенно Михаилу понравилось про дыру на заднице камуфляжного комбеза, проделанную острыми зубами разъярённого не на шутку медведя.

Все его коллеги по отделению, словно сговорившись, тоже слушали Гаркина, а с едой притормозили – похоже, ждали Михаила. Доевший же сержант, откинувшись на спинку стула, буравил подчинённого гестаповским взглядом. Михаил без труда прочёл в этом взгляде ещё и любопытство и ожидание.

Наконец все отложили ложки. Сержант сказал:

– Что, капрал Левицки, директива три-восемь?

– Так точно, сэр.

– Ну и что же такого «срочного и важного» вы нашли нужным сообщить майору? Не поделитесь? Или это – секретная информация?

– Никак нет, сэр. Насколько мне известно, нет. – Михаил слотнул, подумав, что раз майор не запретил ему рассказывать о произошедшем с ним, будет только полезно, если и все будут знать о том, что он доложил начальству в обход обычной процедуры с подачей рапорта по инстанциям.

– Я доложил господину майору о... – он кратко и чётко рассказал о своей беседе с Фон-Мюллером. К концу его рассказа рядовые Сабур и Пратчетт, не скрывая скепсиса, переглянулись, а рядовой Мвемба, скривив рот на бок, почесал затылок. Других признаков того, что рассказ заинтересовал сослуживцев, не обнаружилось – остальные пять человек просто молча буравили глазами столешницу, или стены со «снимающими напряжение» мирными пейзажами на стереобоях. Однако Михаилу было наплевать на скепсис зелёных салабонов, и сомнения туповатой груды мышц, в которую за четыре года превратился всё ещё рядовой афроамериканец.

– Понятненько. – подвёл итог МакКратчен. Он-то явно воспринял угрозу всерьёз. – Похоже, хорошо, капрал, что вы пошли сразу к майору. Это и правда – может спасти жизни. И убережёт бойцов от ловушек. Нового типа. Занятненько. – сержант побарабанил кевларовыми ногтями по пластику столешницы, – Сами-то вы что думаете, Левицки?

– Я думаю, господин сержант, сэр, что это новое оружие, управляемое ментально, будет чертовски трудно нейтрализовать. Да и просто – обнаружить его. Как и его Центр Управления. Потому что – раз никаких излучений не обнаружено, ни бортовыми сканнерами, ни с орбиты, мы имеем дело с чем-то принципиально новым. И явно – опасным. Так что хорошо, что оно

выявилось теперь, а не тогда, когда Администрация и персонал Колонии вселились на Станцию.

– Согласен. Хм-м... – сержант снова постучал – уже носком сапога – (что говорило о том, что он воспринимает угрозу всерьёз, и действительно теперь озабочен) по полу. Поскольку никто не прерывал затянувшегося молчания, выглядело это весьма зловеще. – Внимание, отделение. Я от лица Командования также выражаю благодарность капралу Михаилу Левицки – за бдительность и инициативу. Сабур и Пратчетт! (Салаги, как-то сразу подобрившись, снова переглянулись – теперь с плохо скрытым удивлением. Похоже, ещё недопоняли, что только безоглядное взаимопонимание и взаимопомощь реально могут спасти жизни и им, и сослуживцам. И «выделяться и сомневаться» – означает только вызвать к себе неприязнь – как ветеранов, так и таких же зелёных салабонов.) Берите пример с капрала: нельзя умалчивать о каком-либо новом приёмчике врага, если даже вам кажется, что это – просто ваша, личная, и любовно взлелеянная, паранойя!

Всё. Закончить приём пищи. Вольно. Разойтись.

Каюту свою Михаил делил с одним из ветеранов, тоже капралом – Лестером О,Салливаном.

Однако тот решил вначале посетить туалетный блок, и Михаил успел снять и повесить в шкаф форменный комбез и сапоги, и развалиться поверх одеяла койки в одном белье.

Вернувшийся О,Салливан не торопился начинать разговор: спокойно снял и тоже развесил на вешалках в стенном шкафу одежду. Чуть зажужжали и зашелестели, включившись, вентиляторы и щётки авточистильщика. Когда О,Салливан прикрыл створку, не слышно стало и этих звуков. Напарник лёг, потянулся тренированным поджарым телом. Взбил и поправил подушку. И только после этого спросил:

– Это – *вся* правда? Или было что-то ещё?

Михаил фыркнул. Когда пять лет бок о бок отрабатываешь часами на тренажёрах, и в спарринг-боях, пашешь на Полигонах и на зачищаемых планетах, и можешь в любой момент рассчитывать на то, что тебе прикроют спину хотя бы даже ценой жизни, начинаешь «чувять» напарника-коллегу ещё похлеще, чем чёртовы ловушки и «придумки» врага...

– Нет, конечно. Но проблема-то в том, что сейчас, спустя три часа, я и сам не знаю – что считать *всей* правдой.

– Пояснишь мне, туповатому и нечувствительному?

– А что – ты и правда, ничего не чуял, когда влез в биотика?

– Нет. Правда, не чуял.

Михаил понял сразу две вещи. Нервная организация мозга Лестера, а, возможно, и большинства других десантников, работавших со вторым, биотическим, дроном на планете, иная, чем у него: она каким-то образом проигнорировала, или действительно – не заметила ментальную угрозу. И его друг теперь и правда озабочен: как же выявить опасность, если подсознание её не чуёт?!

– Понимаешь, то, что я обнаружил угрозу, как раз не удивило меня: я как бы... Был готов. Чуял. Почти так же, как, скажем, в предпоследний раз – этих... Псевдокитов.

Но самое интересное – где-то ещё глубже я чуял и нечто совсем уж необычное.

Словно имелся некто, кто *хотел*, чтобы я эту угрозу обнаружил.

Может, это такая хитрая провокация. А может, они просто пытаются *так* выяснить предел чувствительности нашего мозга. К ментальному управлению в *их* исполнении.

– Ага. Да, я тоже так подумал. Про определение чувствительности. Похоже, они преуспели. Теперь точно поделят: на сверхинтуитивных и туповатых. И начнут бороться.

– В смысле?

– Ну, помечать как-нибудь таких, кто может почуять. Например, феромонами. Или просто – краской из баллончиков. Или сразу станут «зачищать», или отстреливать.

А нас, балбесов бесчувственных и равнодушных – оставят пожить. Чтоб мы размножились. И свои «тупые» гены передали дальше по наследству. И наши дети – тоже чтоб передали. И ничего не чуяли. А потом – Ба-бах! – всех разом и накроют!..

А мы и не почуем.

– Очень смешно. – впрочем, понять, когда О, Салливан шутит, а когда – говорит серьёзно, не мог даже сержант, – А ты собрался на гражданке размножиться?

– Ха! – коллега фыркнул, – Скажешь тоже – «на гражданке»... Дожить бы до неё... Собственно – да. В-принципе, было бы неплохо. Во всяком случае, пытаться собираюсь. И – не с одной девочкой. Они же все, мать их, буквально мечтают выскочить замуж за отставника!

Иронию капрала не уловил бы только пингвин. Причём – вусмерть пьяный.

Пенсия вышедших после окончания срока первого контракта на покой, позволяла только-только сводить концы с концами. В выделенной Государством «гарантированной» комнатёнке общежития для пенсионеров. За которую, конечно, не драли налоги и не требовали оплаты коммунальных услуг... Но и тоскливое прозябание в двенадцати квадратных метрах, обставленных казённой же списанной «по выслуге лет» из Госучреждений, мебелью, особого удовольствия доставить точно не могло. Разве что – совсем уж «тупым» и непритязательным.

Вот поэтому многие кадровые профи и оставались на второй, и даже – на третий срок. Михаил, которому до конца первого контракта оставалось пять лет, ещё не решил: останется в Армии, или свалит к чертям собачьим. С одной стороны – здесь опасно. (Но ведь гибнет пока (тьфу-тьфу!) не он, а управляемые им дроны и андрониды...)

С другой – средняя продолжительность жизни космодесантника не превышает пятидесяти девяти лет. А такой же показатель у штатских – семьдесят два. И дело не в насильственной смерти, когда рано или поздно *лично* нарываешься на «последние» ловушки на зачищаемых планетах. А в «классических» инфарктах: работёнка... Нервная.

Так что понять, что не банальный страх является целью О, Салливана, выйди он в отставку, и уж точно – не создание семьи, совсем не трудно. Да и шутили-прикалывались они на эту тему много. Поднаоело. Всё верно: буквально дословно знаешь, что напарник скажет в ответ на ту, или иную реплику, или ситуацию.

Однако Михаил надумал продолжить:

– Не думаю, что дело в разделении нас на «чующих», и, как ты выразился, «тупых».

Мне кажется, что тут штука тоньше. Сустары нас в технологии постоянно опережают. Правда, не настолько, чтобы совсем уж прижать к ногтю: наши яйцеголовые не дремлют. Быстро новинки осваивают... Но вот дальше псевдоментального уровня для мышлешлемов мы не продвинулись. И то – излучение должно быть достаточно мощным. И передавать такое можем – только через нанотрубки.

А поскольку это всё же – не «ментальность», а – трансляция управляющих команд, уровень и технология явно другие... Примитивные, я бы сказал, по сравнению с тем, что было сегодня. У нас – просто передача обычными радиоволнами: от шлема к дрону. Недаром же на поддержание и экранировку канала связи уходит девяносто процентов энергии генераторов Линкора. Да и нанотрубки. Питаются электричеством. Излучают. Так что обнаружить такое же управляющее излучение, по-идее, нетрудно.

Но здесь было – точно что-то другое! И раз уж его не обнаружили до сих пор – так я думаю и вообще – ...рен найдут.

И расколошматят нас корабли-брандеры, дистанционно управляемые вот таким, необнаруживаемым, и, соответственно, неэкранируемым типом излучения, в хлам.

Думаю, до этой простой мысли додумался и майор. И даже наш бравый сержант.

– Да? Смотри-ка, а я не додумался. – в тоне О,Салливана проскользнули нотки сарказма, – Я додумался только до того, что когда мы все спустимся на планету, всё население Колонии очень даже просто можно «зачистить», если где-то останутся невыявленные излучатели, оборудованные вот таким, предательским и подлым, управлением. А спрятать их можно сколь угодно глубоко, чтоб не взяли металлодетекторы и сканеры. И – даже никуда их «антенны» потом выдвигать не понадобится, раз управляющее излучение нашими приборами, (Будь они неладны!) не выявляется. А смогут или нет, разобраться с *таким* наши лабораторные крысы в белых халатах – это ещё вопрос!

Михаил вынужден был признать, что напарник мыслит куда более трезво, и заглядывает в обозримое, а не гипотетическое и отдалённое будущее.

Планета, конечно, сейчас куда опасней.

Ведь когда закончатся развед-обходы, и придётся работать уже вживую, для окончательной зачистки, риск нарваться, или попросту – не обнаружить вовремя таких ловушек, весьма велик. И получится, что планета всё равно – не будет простерилизована, и безопасность людей – не обеспечена должным образом.

И пострадают гражданские: Администрация, и технический персонал, которые «вселится» в здание Станции первыми, а затем – и колонисты, если до этого дойдёт. А дойдёт – только если первые пять-шесть месяцев всё будет спокойно. (Впрочем такой срок – отнюдь не гарантия. Михаил помнил случаи, когда надёжно упрятанные в экранированных пещерах монстры, отравляющие газы, бактерии-вирусы, или механоиды с богатым арсеналом смерти на борту, вступали в действие и после трёх-четырёх лет освоения.)

О,Салливан вздохнул. Повернул лицо к Михаилу:

– Не скажу, чтоб я оказался сильно вдохновлён. Особенно – на последнюю ступень зачистки. Личной. Может, излучения я и не чувствую...

Но вот подвох – всеми фибрами души!

В спускаемом модуле для людей было тесно и шумно – словно в подземке в час пик. Хотя все десантники сидели и молчали. Шумели механизмы челнока и системы жизнеобеспечения, и ещё – автонавигатор, направлявший кораблик в расчётную точку, «максимально экономя топливо». Ускорение корректирующих рывков при этом доходило до семи «Ж»: оптимальная, и определённая медиками ещё сто лет назад, доза, которую легко, и без нарушений «жизненных функций» должен переносить хорошо тренированный десантник.

Наконец удар днища о почву, отдавшийся в ступнях и паху ощущением безысходности, сказал Михаилу, что жёсткое приземление состоялось. Однако никто освободиться от страховочных ремней и вставать не спешил – не положено по Уставу до последней проверки. Все прислушивались: кто – нервно кусая, как Михаил, губы, а кто и раздражённо постукивая носками полусапог по пластополу модуля – как МакКратчен.

Неразборчивое бурчание и намурлыкивание мелодий шлягеров двадцатилетней давности как раз и было «визитной карточкой» Рольфа Йохаука, пилота их модуля, и должно оно было продемонстрировать, что он всю ведёт эту самую окончательную проверку... Наконец Рольф чем-то щёлкнул, прочистил горло, и выдал через трансляцию:

– Внимание, сержант МакКратчен. Первичное сканирование показало, что чисто. Открываю люк.

Пневмозатворы глухо выпустили воздух из системы запоров, и люк поднялся, открывая узкий проход в корме челнока. В модуль проник до боли яркий после полумрака трюма, дневной свет планеты. Михаил поморщился – пока автомат настроил светофильтры, глаза больно резануло: оранжево-красный свет местного «молодого» светила явно куда ярче, чем от родного Солнца.

– Внимание, отделение! – сержант как всегда предельно краток, тон – деловой, дикция – отменная, – На выход! Задачу вы знаете, участки тоже. Вперёд!

Михаил вышел последним. Они с О,Салливаном пользовались, как ветераны, некоторыми льготами и послаблениями. Да и смысла торопиться не имелось: всё равно пока дойдут до своих участков, и начнут окончательную зачистку третьей ступени, наговориться успеют.

Зачищаемый участок традиционно представлял собой квадрат, поделённый, как в старой игре «крестики-нолики», на девять клеток: по квадратику на десантника. Вот только сторона такого квадрата – один километр. Как раз успеть неторопливым шагом прочесать за светлое время суток. А вот сержант останется на борту, и будет корректировать движение, подсказывать решение проблем, в случае возникновения таковых, и...

Запросит медицинскую или техническую помощь в случае чего. Или уж сразу – «кавалерию», как называли подразделение морпехов – сверхпрофессионалов в скафандрах и в дронах высшей защиты, используемых обычно лишь в критических ситуациях... Н-да.

Традиционно третья ступень проходила днём: чтоб физическая форма людей была наилучшей, внимание – наивысшим, а жажда жизни – особо обострённой.

– Внимание, отделение! Вижу подозрительную тучу. Остаться на месте до моего распоряжения! Ждите... – было слышно, как что-то фонит и щёлкает, и сержант с кем-то разговаривает через другой канал связи. Затем его голос снова стал громким. – Всё в порядке. Чёртовы метеорологи подтверждают, что туча – естественная. Сейчас начнётся гроза. Никто не догадался взять зонтик? Ну и ладно. Душ из доброй старой аш-два-о ещё никому не вредил. Хотя бы помоетесь бесплатненько, хе-хе... Продолжать движение.

На традиционный солдафонский юмор отреагировали только новички: Хоммер и Питерс похехекали. Остальные промолчали, возобновив движение.

Михаил добрался до «своего» участка, который уже успел изучить неплохо: именно его, персонально закреплённый квадрат, он обходил уже два раза. Вначале – как железяка, затем – как биомашина. И вот теперь подошло время принять и личную ответственность.

Так делалось всегда: чтоб в случае, если на участке после обхода всё же что-то останется необнаруженным, и неразбомбленным, как излучатели, убившие его последнего «свинобойца», и сработает, нанеся урон людям, знать: кто недоглядел. И кого наказать.

Хотя все знали – человек, обследующий участок, не виноват, если чего-то не выявил. Виновата техника, и вечно отстающая от врага, наука. Не знакомая с применёнными врагом в очередной раз новыми технологиями и приёмами. Которые земные учёные ещё не освоили, так как ещё не сталкивалась... (Порочный замкнутый круг.)

Поэтому и наказание часто бывало формальным: ну, разжалуют, ну лишат премии на Рождество, или увольнительных на год... Ерунда.

А вот то, что иногда на таких «недоработанных» участках гибли люди – не ерунда.

И Михаил, как и любой ветеран, знал, каким тяжким бременем это ложится на совесть человека, допустившего промашку. Суицид у десантников, несмотря на все «тесты, выявляющие неуравновешенность психики» – не редкость. За время службы он столкнулся с тремя повешениями, двумя выстрелами в голову, и одним случаем вскрытия вен в ванне. А около десяти человек просто спятили, и помещены до конца жизни в лечебницу.

Потому что поставить сломленного человека ни на одну должность ни один руководитель, даже гражданских Служб, не решится.

Поэтому подотчётный квадратный километр он обходил не торопясь, нарочно погромче топая, и иногда даже топчась и подпрыгивая на одном месте: вдруг – поможет? Обычно не помогало. В наушнике послышался голос О,Салливана:

– Господин сержант, сэр. У меня начался ветер. И дождь. Ветер сбивает с ног. Дождь – это вообще – нечто! Первые капли даже принял за градины – очень крупные, и по шлему бьют сильно. И потемнело – будь здоров! Я... Сел.

Михаил и сам видел, что на северную сторону их сектора-квадрата, где и находился напарник, обрушился первый удар стихии: небо там превратилось в сине-чёрное марево, и туман, который он наивно посчитал водяной пылью, на самом деле оказался состоящим из почти стены воды. Другие десантники подтвердили приём. Кто-то пошутил, что наконец Доннер, (известный своей нелюбовью к воде, но плававший, тем не менее, как барракуда) наконец промоется нормально, другие спрашивали, догадался ли он захватить мыло и ли шампунь... Всё – как всегда, когда люди, ощущая, что кроме природы им ничто не угрожает, могут чуть расслабиться.

Но вот накрыло и Михаила. Он удивился: порывы ветра буквально сбивали с ног!

Пришлось тоже «встать на якорь»: плюхнуться на пятую точку, и вбить в землю чёртова лужка с цветочками рукоятку альпенштока поглубже. И держаться за неё.

По приказу сержанта сели все. Метеорологи сказали МакКратчену, что грозовой фронт очень узкий, и основной удар стихии пройдёт быстро.

Михаил, поёрзав, решил подстраховаться: велел полужёсткому каркасу комбеза зафиксировать положение тела. Порядок. Есть на что опереться: мышцы спины теперь отдохнут от тяжести того, что приходится таскать для «вящей боеготовности и обороноспособности». Мышцы непримянули благодарно начать расслабляться – их-то не беспокоят моральные соображения, и терзания хозяина.

Он попробовал «абстрагироваться» от воя и шипения стихии, и даже закрыл глаза. Откинул голову на мягкую губку подголовья костюма...

Зря он это сделал.

Банг-з-ш-ш-ш!.. Крак-к-к!!! Ф-ф-ф!..

– «Внимание! Нарушена герметизация отсека! Повреждения основного корпуса ремонту не подлежат! Экстренная эвакуация! Всем срочно покинуть корабль! Внимание!..» – голос чёртова аварийного транслятора становился всё тише, и наконец заткнулся на полуслове – сдох, очевидно, повреждённый аккумулятор. Главный комп вообще не включился в общую сеть: значит – его блок выбило сразу. Шипение воздуха стихло: вышел весь!

Это Михаил осознал, уже оказавшись в десятках метров снаружи этого самого «не подлежащего ремонту» наружного, многократно и надёжно бронированного корпуса, вращаясь, и отлетая всё дальше. Чуть в стороне он заметил и остальных: отблёскивая, словно конфетти из алюминиевой плёнки, они, как и он, разлетались в разные стороны от эсминца! Точнее – бывшего эсминца. Дыру в корпусе даже неудобно было назвать дырой: корабль попросту раскололо, разворотило изнутри – будто взорвался орех!..

Не иначе – опять гирридиевая мина!

Хорошо, что на всех, как и положено в бою, скафандры высшей защиты!

Однако целыми казались не все: скафандр Сбоева выглядел не то – помятым, не то – сморщившимся... Да и не может человек выгнуться вот так, под нелепым углом, назад!

– Внимание! Говорит МакКратчен! Меня кто-нибудь слышит?

Отозвалось несколько голосов – Мвемба, Карлин, Доннер, О,Салливан... Михаил тоже подал голос. Однако сержант почему-то не услышал его. Во всяком случае, при подтверждении приёма его фамилии не назвал.

– Внимание! Если кто слышит меня, но не может ответить из-за повреждений связи, прошу просто помахать рукой. Или – чем можете!..

Михаил помахал. Всем, что двигалось.

– Ага, вижу. С нами ещё и Лавицки. Хорошо. Сбоев! Сбоев! Слышишь меня?

Однако попытки докричаться окончились неудачей: Михаил, видевший, что тело летящего почти рядом бедолаги изогнуто, словно переломлен позвоночник, и чувствовал, что чело-

век не может выжить, получив такие повреждения. Однако передатчики скафандра, и основной, и резервный, упорно не желали транслировать его голос.

Да и голоса остальных быстро затихали: удар оказался очень сильным, и ускорение наверняка им придало нехилое! А радиус действия передатчиков скафандров невелик: пара сотен миль. Однако МакКратчен велел всем держаться:

– Приказываю: экономить дыхание, и ждать без паники – от эмоций и криков быстрее расходуется кислород! Нас спасут! Аварийные маячки-отражатели работают без дополнительного источника питания. Так что возвращение к людям – вопрос времени!

Сержант давал и другие указания, и призывал не расходовать зря, на ненужные разговоры, драгоценный кислород. Михаил, осознающий, что в его случае разговаривать бессмысленно вдвойне, изо всех сил старался расслабиться. Как, наверное, и все.

Взрывы, при которых экипаж раскидывает в разные стороны от погибшего корабля, не являлись чем-то исключительно редким. Нет, такие прецеденты уже происходили. И оснащённые надёжными идентификационными индикаторами-маячками скафандры отслеживались прибывшими спасателями достаточно легко. Вопрос только в том, что пока вокруг идёт бой, спасатели не придут – слишком рискованно. Хоть в этих кораблицах, вернее даже – шлюпках, и нет человеческого экипажа, а только автоматы. Но!

Никому ведь не хочется быть «спасённым», и через буквально минуты – вновь оказаться взорванным! А спасательные модули-шлюпки – не эсминцы. Брони и защитных полей нет!

Может и не повезти при новом попадании...

Чтоб прекратить головокружение от всё продолжавшегося вращения, Михаил попробовал включить аварийные движки. Они не работали. Движки ориентации – тоже.

Вспомнив про старый «дедовский» метод, он достал из поясного контейнера несколько завалившихся там неизвестно каким чудом гаек, и что было сил метнул их против направления вращения.

Помогло. Вращение почти прекратилось. Правда, теперь он наблюдал не слишком вдохновляющую картину: навстречу, с довольно-таки приличной скоростью, неслась планета с атмосферой – и не земного типа, а наподобии Юпитерианской! Уж это-то его бортовой блок анализаторов показать не примянул!

Михаил в сотый раз подумал, что лучше бы целой осталась рация. Или движки: можно было бы сманеврировать, чтоб убраться прочь!

Вот так, ругаясь про себя, и в перерывах молясь, он и смотрел добрых полчаса, уже не пытаясь «успокоиться и расслабиться», как стремительно растёт, застилая всё поле зрения, и нависает словно чудовищная закруглённая скала, чёртова жёлто-розовая поверхность, и думая, что ему-то смерть от удушья уж точно – не грозит!..

Осознание собственного бессилия заставляло сжимать и разжимать кулаки и кусать губы. Но это несколько не помогало, а лишь злило сильнее.

Когда вошёл в атмосферу, стал ругаться и вслух. Немного полегчало. На душе. Зато вот тело...

Очень скоро он увидел, как начинает светиться, нагреваясь, чёртова защитная сталюминиевая плёнка внешней оболочки, и ощутил, что жар начинает проникать сквозь все восемь прокладок!

Вскоре пот потёк по лицу, которое даже вытереть оказалось невозможно. Скафандр немилосердно трясло: хоть и «внешние слои атмосферы», а, видать, достаточно плотные!

Михаил, хоть и не верил в приметы, быстренько надиктовал на диктофон кодографа – чёрного ящика скафандра – завещание. Затем уже мог только материться и орать:

– А-а-а!!!..

Потому что только теперь понимал, что пророчат грешникам, и прочим нечестивцам, основные положения Христианской веры!

Когда терпеть адскую боль стало невозможно, вдруг ощутил характерный толчок, и щелчок захватов буксировочного троса: шлюпка всё же успела!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.